

И стали они жить-поживать
Первый подвиг Елены Прекрасной
или
Библиотечный обком действует

Светлана Багдерина

3

Воплощая далеко идущий план Костея, его первый советник Чернослов с отрядом гвардейцев одним искусным магическим ударом захватывает Лукоморск. Царская семья брошена в застенки, бояр ожидает скорая и страшная расправа, горожане угнаны в рудники или заморочены колдовством. Не осталось никого, кто мог бы их спасти и одолеть врага... кроме Елены Прекрасной, истопника, прозванного Граненычем за свое хобби, и кроткого интеллигентного Дионисия, библиотечного («Есть домовый. Есть овинный. А я — библиотечный»). Но кто сказал, что подвиги должны совершаться только витязями на белых конях? Чернослов? Это он не подумавши брякнул...

Светлана Багдерина Первый подвиг Елены Прекрасной, или Библиотечный обком действует

*Что с воза упало, на
то напоролись.*

**Шарлемань
Семнадцатый**

К ужину Елена Прекрасная спустилась только потому, что положение обязывало.

После налета Змея-Горыныча, пропажи царевны Серафимы и исчезновения в неизвестном направлении царевича Ивана старая царица Ефросинья, сопровождаемая горничными и приживалками, горестно охая, удалилась в свои покои и пила весь день валерьянку стаканами, занюхивая пустырником. Царь Симеон, обуреваемый дурными предчувствиями и сердцебиением, позабросив планирование южной кампании, бродил как призрак самого себя по дворцу, от окна к окну, тревожно прищуриваясь на каждую пролетающую мимо птицу и отвечая на все вопросы невпопад. Бояре и дворяне с чадами и домочадцами подавленной, приглушенно перешептывающейся толпой слонялись из одного

крыла дворца в другое и со двора в сад, не в состоянии прийти к единогласному решению — разъехаться по домам и оставить царскую семью в покое или поддержать их своим ненавязчивым присутствием в тяжкую минуту ужасной утраты, а заодно быть первыми, если появятся какие-нибудь новости. Слуги растерянно сгрудились в людской, выпрашивая друг друга, не видал ли кто, что там у царя-батюшки стряслось, и какие им от этого будут последствия. Стражники отводили глаза от беспричинного чувства вины и на всякий случай перестали пускать во дворец всех без исключения, как будто их могли обвинить в том, что это они пропустили в воздушное пространство дворца летучую гадину и дали умчаться в неизвестность без сопровождения юному царевичу...

Над всем дворцом висела серая атмосфера всеобщего уныния и неловкости, исправить которую едва ли смог незаметно подступивший теплый тихий вечер.

Новостей не было, но подошло время вечерней трапезы, и Елена приказала пересчитать гостей и накрывать в Зале пиров на всех, хоть и не до пира ей самой было сейчас — подташнивало с самого утра, и голова гудела как похоронный набат (тьфу-тьфу-тьфу!) и безо всяких напастей.

Ой, ноблесс, ноблесс...

Когда она прошла на свое место по правую

руку от старого царя, согласившегося временно поддержать бразды правления страной на время отсутствия старшего сына Василия и поэтому снова сидевшего во главе стола, ужин был уже накрыт, весь двор в сборе сидел со скорбными лицами, обливаясь слюнями,¹ и ждал ее.

Увидев, что Симеон и Ефросинья собрались с силами и спустились тоже, она с облегчением вздохнула: значит, можно будет посидеть минут пять-семь для приличия, и тихонько уйти. От запаха паштетов, дичи и расстегаев ее снова начало мутить, а постные лица придворных и их вымученные попытки подбодрить безутешных родителей сочувственно-бодренькими фразами могли только усугубить ситуацию.

Вяло поковыряв салат из привезенных специально для нее из самой Стеллы оливок и креветок и пригубив из кубка клюквенный морс, через пять минут после начала ужина Елена встала, ласково попрощалась с родителями мужа и плавной походкой будущей матери наследника престола вышла из зала.

— Чего изволите хотеть, ваше величество? — заботливо поправив шаль на ее плече, заглянула ей в лицо горничная Матрена. — Совсем ить не

¹ Несчастье несчастьем, а кушать с обеда не ели.

покушамши ушли, может, на ночь опять чего-нибудь припасти — голубцов там, пельмешков, бульончика, аль еще там чего?...

Царица честно задумалась над предложением.

При одной мысли о еде ее стало мутить еще пуще прежнего.

— Нет, спасибо, Матрена, ничего не надо.

— Ну как знаете, ваше величество. Не хочется сейчас — захочется потом, — утешающе махнула рукой горничная. — Не извольте беспокоиться. Если чего пожелаете — я мигом на куфню слетаю — Терентьевна-повариха быстренько обернется — приготовит.

— Да, спасибо... — рассеянно отозвалась Елена.

После сегодняшних переживаний, казалось ей, кушать ей захочется едва ли раньше, чем через неделю.

Бедная, бедная Серафима... Как это ужасно — быть схваченной и унесенной на верную погибель каким-то мерзким чудовищем в своем собственном саду, в кругу подруг, когда не ожидаешь ничего подобного! Буквально на ее глазах! Если бы это случилось с ней... страшно подумать... Она бы этого не пережила. Бедный, бедный Ион... Если бы от нее что-то зависело, она бы, не раздумывая, бросилась на помощь им обоим — только помочь им было не в ее силах. Да если бы и была такая

возможность — какая польза может быть от нее, робкой, беспомощной, слабой, даже оружия-то в руках никогда не державшей?... Оставалось только вздохнуть и сочувствовать — да только кому от этого легче? И за что только боги Мирра посылают такое испытание Серафимочке и Иону?...

Матрена распахнула перед ней дверь ее покоев, и в лицо сразу ударила приятная обволакивающая волна тепла от натопленной печки и... паров алкоголя. Тошнота, тут как тут, подкатила к горлу.

Горничная уловила запретный запах тоже и кинулась открывать окно.

— Митроха!.. Граненыч!.. Опять приложился! Ну, морда бесстыжая! Говорили же ему, приказывали даже! Ну, всё — терпение мое кончилось всё! Завтра утром расчет ему дадим, питуху несчастному! — возмущенно запричитала она. — Сколько раз ведь говорено было — и не сосчитать! Вы, ваше величество, присядьте, а лучше — прилягте — я сейчас полотенчиком-то помахаю, все и выветрится...

— Спасибо, Матрена, мне уже лучше... — Елена подошла к распахнутому окошку, встала с ней рядом и вдохнула полной грудью последний, наверное, теплый вечер октября. — Ох, боги Мирра, воздух-то какой... Сладкий... Хоть на торт намазывай...

С наступлением беременности царица стала реагировать на винные пары крайне болезненно, и по сей важной причине во всем дворце на девять месяцев был введен сухой закон, распространяющийся одинаково на бояр и на прислугу. Ему с разной степенью удовольствия или отсутствия оно подчинились все... кроме одного человека — истопника Митрофана Гаврилыча, за свое пристрастие прозванного однажды незнамо кем Граненычем, каковое прозвище к нему и приклеилось и вытеснило из памяти народной его настоящее отчество. Но Митрофан не обижался — услышав его, он лишь хитро ухмылялся, произносил что-то вроде «хоть горшком назови — только в печку не ставь» и многозначительно поднимал вверх указательный палец. Пьяным он бывал, как и все нормальные люди, только по большим праздникам, но для поддержания тонуса — и где только слов таких нахватался! — «почуть-чутьку» принимал каждый вечер вне зависимости от времени года, погоды, занятости и политической обстановки в стране.

Увольнять старика Граненыча из уважения к его не видным на светло-мышиного цвета волосенках сединам Елене хотелось меньше всего, но и каждый раз после посещения им ее комнат или наткнувшись невзначай в коридоре на шлейф его привычки, бежать к туалету или к открытому

окошку — что оказывалось ближе — ей уже изрядно претило.

Надо будет поговорить с боярыней Федосьей, чтобы та взяла Граненыча к себе — Конева-Тыгыдычная сегодня как раз жаловалась, что их истопник снова ушел в запой. Он тоже был нормальным человеком, заверила ее боярыня Федосья, но календари всегда покупал в кабаке — а там у них что ни день, то праздник, что ни другой — то праздник большой, а других способов отмечать их Селиван не изучил... День кузнеца, День шмелевода, Трехсотлетие освобождения Узамбара от Сулейманского гнета, Стасемидесятидевятелетие освобождения Сулеймании от Узамбарского гнета, День ложкаря и балалаечника, День сбора цвета папоротника... По выражению возмущенной боярыни, все праздники у него слились в один — двухсотлетие граненого стакана, и стакан этот, в который все слилось, был размером со среднее море и с каждым годом увеличивался.

Ох, дела, дела хозяйственные...

— Ф-фу, проветрилось, вроде, — вздохнув с облечением, Матрена поспешно захлопнула рамы, чтобы не выпустить с сивушным амбре и остатки тепла. — А вот сейчас почивать ваше величество уложим, и полегчает вам во сне-то, поди...

Елена прислушалась к своим ощущениям.

Спать, есть, пить и слушать болтовню славной, но чересчур разговорчивой Матрены ей не хотелось. И отослав в горничную в людскую ужинать, царица направилась в библиотеку.

Было ли это явление результатом влияния брата Васеньки Иона или еще одной странной прихотью беременной женщины, но в последний месяц она с удивлением обнаружила, что ее стало тянуть на книги. Пустые без ненаглядного Василёчка вечера тянулись долго, и она сначала от скуки, а потом и со все возрастающим интересом взялась за чтение подаренной ей на свадьбу Ионом подписки любовных романов. И сегодняшнему дню на дальнем стеллаже, на специально отведенной для них полке, с которой были изгнаны и свалены рядом в углу приключения и путешествия, уже скопилось несколько десятков массивных фолиантов с золотым обрезом, в обложках, разрисованных доблестными рыцарями в парадно-выходных доспехах и прекрасными дамами с неестественно-алыми губами и в розовых платьях.

До прибытия очередного романа оставалось несколько дней, а последний был прочитан еще на той неделе и уже отправлен во время субботней генеральной уборки горничной Матреной на родную полку в библиотеку. Вот его-то царица и решила перечитать на ночь глядя.

Ах, какие безумные страсти, какая роковая любовь, какие бездны отчаяния и Пиренеи — или эмпиреи?... счастья открывались перед потрясенным читателем! Над их описанием они с Матреной вечера напролет обливались слезами — то радости, то сочувствия. Чего ведь только на свете не бывает!.. Вот и вправду говорят, что интересно там, где нас нет...

Желаемая книжка обнаружилась сразу, но Елена решила прихватить еще одну, чтобы лишний раз не гонять Матрёну в дальний конец дворца и, тем более, не ходить самой — а вдруг больше не захочется?

Какой бы еще роман взять перечитать? Вот этот? Или этот? Или тот?... Ах, нет — как я могла забыть! — вот он, их любимый, написанный благородной синьорой Лючиндой Карамелли «Роковой поцелуй» — на верхней полке. Они прочитали его самым первым, но такие страсти, такие переживания забыть невозможно.

Такую душераздирающую историю несчастной любви не грех и еще раз перечесть. Ох, и навидалась, видно, в своей жизни синьора Лючинда!.. Шесть романов только у них на полке, а сколько еще не прочитанных? А как она ухитрится выбрать время среди головокружительных балов, охот, похищений, побегов с пиратами, украшения новых дворцов и замков, подаренных ей

влюбленными королями, сесть, сосредоточиться и записать такое, чтоб это еще и весь белый свет прочел — совершенно не понятно... Мужественная все-таки женщина, эта синьора.

Елена покрутила головой, откашливаясь и нетерпеливо указывая пальчиком на стремянку, но в библиотеке весьма некстати кроме нее никого не оказалось. И тогда царица отказалась от тяжелой лестницы, приставленной кем-то, как назло, к самому дальнему шкафу, взяла колченогую скрипучую табуретку у окна, поднесла ее к своему стеллажу и, держась одной рукой за стойку, осторожно поднялась. Вот он, «Поцелуй», только руку протя...

Внутри у табуретки что-то противно скрипнуло, хрустнуло и треснуло, ножка ее предательски подломилась, царица ахнула, покачнулась, ухватилась было свободной рукой за полку, но, не удержавшись на перекошенной, как карга — ревматизмом, табуретине, сделанной еще, видно, при прадеде прабабки ее мужа, заскользила и повалилась на пол.

Сверху ее закрыл книжный обвал.

* * *

Чернослов прислушался под дверью: ужин шел своим чередом — звенели кубки, ножи и

вилки, ровным гулом доносились голоса, перекрывая переливы гуслей.

Лейтенант Ништяк его Черной Сотни, как придумали они называться, вопросительно глянул на него, но колдун, торжествующе усмехнувшись, покачал головой. Грубая сила, лобовая атака... Фи. Ему пришло в голову кое-что получше.

Чернослов был любителем театральных эффектов. Причем провинциальный ли это был театр, существующий исключительно молитвами актеров, или столичный баловень меценатов — безразлично. Чем эффектнее, чем театральнее — тем лучше.

Ну какое впечатление могут произвести ворвавшиеся в сердце — или желудок? — замка посреди мирной трапезы солдаты в чужих доспехах? Максимум — пара подавившихся, да и то не насмерть.

А вот какое впечатление произведет вот это?...

И Чернослов, самодовольно ухмыльнувшись в жиденькую, как суп бедняка, бороденку, щелкнул пальцами, и обе створки дверей, со скрежетом и визгом выдрав десятисантиметровые кованые гвозди петель из косяков, грохнули об пол. Еще щелчок — и центральная люстра обрушилась с потолка на стол, давя и калеча гостей и хозяев...

Если бы была.

Заклинание колдуна, направленное на моментальный разрыв цепи предполагаемой люстры, не найдя назначенной цели, закрутилось радужным колесом, засвиристело, пробило дыру в самой серединке расписанного под гжель потолка и, ухая и рассыпая розовые и желтые искры, ушло в ночное небо.

Огоньки сотен свечей в зеркальных подсвечниках на стенах на мгновение нервно заколебались и снова выпрямились, как стойкие солдатики.

Два человека за столом натужно закашлялись. Кто-то одиноко хлопал в ладони и выкрикнул: «Браво!..» Через секунду его поддержали другие.

— Бис!..

— Бис!..

— Молодца, старикан!

— А кролика теперича из шапки достань, ловкач!..

— Не, пусть с веревками теперь хвокус покажет!..

— Ларишка, Ларишка, чего они говорят, ащь?... — натужно закричала в ухо соседке старуха в жемчугах и синей парче.

— Хвокус, говорят, бабушка, с веревками надо показать!

— Ащь?...

— Хвокус!!!.. С веревками!!!..

— Какие такие веревки!!! Кролика давай доставай!!!

И под ноги колдуну полетела пригоршня медяков.

— А я говорю — с веревками! — и еще одна пригоршня мелочи, пущенная мощной рукой, осыпала его с ног до головы, оставив попутно на лице несколько маленьких круглых синячков с трехглавым орлом.

— Да кому твои узлы-веревки интересны, боярин Никодим!

— А твои кролики, боярин Демьян? Не наелся ты, что ли?

— Чего они говорят, Ларишка, ащь?...

— Хвокус!!! Какой!!! Показать!!!

— Пусть лучше ш платками, ш платками чего-нибудь ижобразит! — посоветовала старуха.

— С кроликами!

— Нет, с веревками!

— Лучше ш платками, ш платками, милоч!..

— А кто вообще хвокусника пригласил на ужин? — перекрывая разрастающуюся ссору, раздался возмущенный голос царицы. — Что у нас тут — праздник какой?

— И верно, — сбавил тон сторонник веревок. — Чего это вы тут... Тут такое горе, беда практически, а вы как дети бестолковые... Что вам тут — праздник?!

— И потолок зачем-то испоганил... — недовольно пробурчал второй спорщик.

— Ларишка, Ларишка, чего они говорят, ащь?

— Несчастье, говорят!!! Гнать надо хвокусника!!!

— А-а... Это-то да... Это надо... Ладно, пошмотрели — и будет, — прошамкала смущенно любительница платков. — Штупай шебе, мил человек. Попожже приходи. Жавтра.

— А двери на место поставь, ловкач, — почти сердито указал царь.

— А то на кухне не накормят, пока двери назад не вернешь, я распоряджусь. Ну, не стой же на месте, как болванчик. Наведи порядок и ступай, кому говорят, — махнула на самозваного фокусника как на муху рукой старая царица Ефросинья.

Чернослов стоял перед столами, там, где обычно выступали во время пиров скоморохи и престижиджитаторы, и от растерянности не находил нужных волшебных слов.

Уж на ТАКОЙ эффект он точно не рассчитывал.

С паническим гневом сообразил он, наконец, что теряет инициативу, и снова взмахнул рукой, яростно бормоча под нос отрывистые неразборчивые фразы — то ли заклинания, то ли ругательства.

За подсвечниками со звонким хрустом полопались зеркала, срезая и гася толстые белые свечи, и сразу стало темнее и страшнее.

— Я пришел... — грозно начал было он, но голос его утонул в раскатистом реве:

— Каков нахал, а! Пришел он тут! Воевода, Букаха, ты чего сидишь, смотришь? Выволоки-ка подлеца, да всыпь ему на конюшне, как ты умеешь!

— А вот я ему! — из-за стола, сурово насупив брови и поджав губы, начал подниматься военный, некрасивый, но здоровенный. — Пусть на себя теперь пеняет, скоморох! Ох, полетят сейчас клочки по закоулочкам! Ух, как я зол!..

— Вот-вот, покажи ему!

— Ишь, приперся!

— Хвокусник, тудыть твою за парапет!

— Попрошу в приличном обществе не лаяться, граф Рассобачинский!..

— Собака лается!..

Кажется, где-то кто-то говорил что-то про какую-то инициативу?...

— Вы не поняли! — протестующе протянул чародей руки к аудитории. — Меня зовут Чернослов...

— Да хоть Чернослив!

— Покажи ему, покажи!

— Хвокусник, раскуси тебя кобыла!

— Я же попросил в приличном обществе...

— Сам собака!

— Ух, как я зол!..

— МЕНЯ ЗОВУТ ЧЕРНОСЛОВ УЖАСНЫЙ И Я ПРИШЕЛ, ЧТОБЫ ПОКАЗАТЬ ВАМ ВСЕМ ГДЕ РАКИ ЗИМУЮТ!

— Ларишка, Ларишка, чего он говорит, ащь?

— Приглашает нас!!! На речку!!! На пикник!!!

— А-а, на речку... На речке я давно не была.

Ш лета ужо поди. Во школько выежжаем? Не прошпать бы, Ларишка! Шпроши, Ларишка, шпроши!..

В коридоре, перекрывая гогот лейтенанта, мерзко хихикали солдаты.

— МОЛЧАТЬ!!! — взревел отчаянно колдун, стиснув кулаки и подняв к продырявленному потолку выпученные глаза. — Идиоты!!! Неужели не понятно!!! Это переворот!!!

— Я тебе дам — переворот... Я тебе сейчас покажу — переворот... Ух, как я...

Воевода Букаха вылез наконец из-за стола, обогнул его и, недобро покачивая головой, вышел на финишную прямую, ведущую к виновному в нарушении спокойствия и пищеварения честных людей. Чернослов взглянул на него почти нежно: «Вот тебя-то мне и нужно...» и, не произнося больше ни слова, ткнул кулаком в направлении настроенного на легкую победу воеводы и выкрикнул страшное слово.

Воздух перед ним лопнул, грохнул, взорвался каплями раскаленного свинца, и сбитый с ног, ошеломленный, обожженный Букаха толстым гузном хлопнулся об пол и опрокинулся на спину, дрыгнув ногами.

— Убиваю-у-у-у-ут!!!.. — хрипло затянул было он, но, перехватив взгляд колдуна, тут же захлопнул рот и на всякий случай зажал его руками.

— Я!!! Не позволю!!! Издеваться!!! Над собой!!! — свирепо выкрикивал Чернослов, и с каждым словом со скамьи, сбитый ударом невидимого кулака, падал на пол или на стол кто-то из гостей. — Когда!!! Я!!! Говорю!!! Все!!! Должны!!! Молчать!!!..

— Стража! Стража! Ко мне! — привстал с места и тут же на всякий случай пригнулся царь Симеон. — Стража!!!..

— Ори, ори, — осклабился колдун. — Я с ними уже повстречался, и теперь они мне служат, а не тебе! А ты тут больше никто, старый дурак!

Моментально рассмотрев и тут же отбросив вариант ответа «сам дурак», Симеон гордо выпрямился и поправил съехавшую в переполохе набекрень корону.

— Я царь!!!

— Был царь, да весь вышел!

Чернослов ткнул в его сторону пальцем, прошипел несколько слов, и головной убор

лукоморских монархов приподнялся с головы Симеона сантиметров на десять, повисел несколько секунд в воздухе, словно оглядываясь, и быстро поплыл прямо в раскрытую ладонь колдуна.

— Эй, эй, постой, ты куда?!.. — кинулся было за ней царь, но непреодолимой преградой лег на его пути необъятный боярин Никодим, все еще барахтающийся на полу, запутавшись в полах двух шуб.

— Царь теперь я, — демонстративно-медленно опустил Чернослов золотой венец на свою желтую лысину и презрительно вскинул голову. — А ты — плесень тюремная.

— Да я тебя!!!..

— Симеонушка, Симеонушка, не надо!..

— Отпусти, женщина!..

— Не пущу!!!..

И тут то ли по непонятному сигналу, то ли просто соскучившись стоять просто так в коридоре, когда тут в зале без них шло такое веселье, его солдаты ворвались и встали за спиной у колдуна угрюмой ощетинившейся железом стеной.

— Осмотритесь по сторонам, — злобно-издевательски обвел рукой стены зала Чернослов, обращаясь к жмущимся в ужасе и отчаянии к царю — единственному центру сопротивления — боярам. — Это всё вы видите в

последний раз. Я брошу вас в казематы, подземелья, тюрьму или что тут есть у вас для гноения непокорных, и вы сдохнете там, если я не решу казнить вас до того. Кстати, — пришла ему в голову неожиданная мысль. — Кто-нибудь знает, где у вас тут тюрьма? Желательно в уютном мокром холодном подземелье, полном крыс, плесени, гнили и мокриц?

В толпе охнули сразу несколько женщин.

— Я знаю! — забыв даже стонать, вскочил с пола Букаха. — Я покажу! Я давно говорил, что государству нужна железная рука! Что попало делается! Хватит! Развели тут... ² вертеп!.. Вот таким должен быть истинный правитель Лукоморья! Не подумайте, что я подхалимничаю! Ненавижу подхалимов! Я ведь человек военный, простой — что думаю, то и говорю!

— Вот за это я военных и люблю, — ядовито ухмыльнулся в бороденку колдун и бросил командиру своего отряда: — Тебе, Ништяк, кажется, денщика было надо? Вот, дарю. А остальных — в каталажку. Кончилось их время. Веди... как тебя? Козява?

² Если бы Букаха знал такие слова, как «демократия», «либерализм» или хотя бы «конституционная монархия», он бы их, не задумываясь, использовал.

— Букаха, — угодливо подсказал свежепожалованный денщик. — Но если вашему величеству угодно звать меня Козявой... Ха-ха... Очень остроумно... Я не против... Козява... Мне даже нравится... Большого ума человек... Государственного...

— Ты не против? — высоко подняв тонкие седые брови, расхохотался Чернослов. — Он не против! Ну, вот и хорошо, Козявка. Веди, да не споткнись. А то... как это ты тогда сказал? «Полетят клочки по закоулочкам?»

— Не извольте сомневаться, ваше величество — Бу... Козявка свое дело твердо знает. С младых ногтей в армии. Тут без дисциплины никуда. Без дисциплины в армии бардак. Я приказы выполнять...

— Заткнись, — поморщился Чернослов, щелкнул перед его лицом пальцами, пробормотал три рваных слога, и Букахин рот мигом захлопнулся, как дверь на пружине, успев, тем не менее, прикусить язык.

— Болтаешь ты слишком много. Для денщика. Лейтенант ведь может и решить, что такой денщик ему не нужен, и отправить тебя к этим... в казематы.

Букаха в немом ужасе затряс головой, завращал глазами, замахал руками...

— Отныне ты будешь нем, как рыба. Пока я

не передумаю. Понял? — холодно отмеряя слова как капли яда, покривил губы в брезгливой улыбке Чернослов. — А теперь пошел отсюда.

Тем временем солдаты пинками, тычками или просто волоком вытащили из-за разгромленного стола бывшее руководство страны, согнали в тесную кучу и, предводительствуемые Букахой, трясущимся не то от страха, не то от радости, что все пока обошлось для него так удачно, погнали всех по коридору к выходу.

Но тут Чернослову пришла в голову еще одна забавная мысль.

— Стоять! — приказал он, и толпа пленников, налетев на бронированную стену солдат, в испуге остановилась.

— Я думаю, не будем откладывать тело в долгий ящик, — осторожно, как будто в предвкушении чего-то долгожданного и радостного, потер Чернослов костлявые желтые руки и обвел цепким взглядом толпу лукоморской знати. — Ты, — он ткнул пальцем в царицу, — Ты — Ефросинья.

— Попрошу мне не тыкать, — та гордо вскинула голову.

— Ты — Симеон, — не обращая внимания на ее тираду, указал он на царя.

— Я не боюсь тебя, злодей!

Колдун удовлетворенно кивнул.

— Очень хорошо. А ты, — он кивнул на краснощекую девушку лет семнадцати, испуганно жавшуюся к Ефросинье, — Серафима.

— С-сераф-фима, — не сводя глаз с колдуна, как кролик с удава, кивнула та.

— От меня не скроешься, — удовлетворенно кивнул он. — Вы трое будете содержаться отдельно. В башне. Потому что вас ждет особая участь.

— Серафимушка!.. Доченька моя!.. Пустите ее!.. — рванулась Конева-Тыгыдычная к девушке, но стража отшвырнула ее.

— Старается защитить чужую девчонку... — деревянно улыбнулся колдун. — Как благородно... Как мило... Гоните их дальше, чего встали! Крысы в подвале проголодались! А этих троих — в самую высокую башню дворца! И глаз с них не спускать!

Убедившись, что коридор опустел и лишь тройка зверского вида солдат осталась стоять у дверей на часах, Чернослов решил, что пришла пора перейти к третьей части своего плана.

Из глубин серо-зеленого балахона он бережно извлек заморскую выдумку в виде книжицы, отнятую им по дороге в Лукоморье у какого-то купца. Была она обтянута лакированной крокодилей кожей, с золотыми уголками и таким же золотым обрезом. Все страницы книжицы были

чистыми, белее снега, лишь разлинованы простым карандашом на колонки, подписанные емкими заголовками: «Что сделать», «Когда сделать», «Зачем сделать», «Можно ли не делать», «Именины» и «Адрес голубиной почты». В верхней части каждой страницы золотыми буквами витиеватым шрифтом было начертано изречение дня. Сегодняшнее гласило: «Лучше записать и не забыть, чем не записать и забыть». К книжице прилагалось покрытое позолотой перо, золотая же чернильница-непроливайка и миниатюрное, но увесистое пресс-папье, естественно, тоже из золота.

Называлась такая штучка непонятно, но солидно: устроитель.

Сейчас первые страницы этого устроителя были исписаны красивым ровным почерком колдуна.³

Чернослов с почти осязаемым удовольствием открепил от корешка золотое перо, отвинтил колпачок непроливайки, аккуратно обмакнул кончик пера в чернила, полученные из вымирающего вида океанской каракатицы, как гласила надпись на сосуде, и ровной линией

³ Вот прослезился бы его школьный учитель чистописания, убивший на исправление скачущих каракулей своего ученика большую часть своей жизни и нервных клеток.

зачеркнул верхнюю строку: «2 октября. 18:00. Развязать кровавый террор». На очереди оставалось: «2 октября. 18:30. Обеспечить верность дворцовой прислуги».

— Эй, Надысь, — повернулся он к одному из оставшихся солдат. — Кольца у тебя?

— Так точно! — указал тот на черный мешок в углу.

— Будь готов.

— Всегда готов!

Как всё было просто... Хорошо, что он не послушал царя Костя и не взял с собой тысячу, как тот настаивал. Сотня обученных солдат и полмешка золота — вот и всё, что потребовалось, чтобы пройти насквозь и подчинить эту непонятную, нелепую страну. Меньше затрат, меньше сил — больше чести. Царь обещал учесть его искусство и изобретательность при раздаче завоеванных провинций. Надо будет придумать, что ему выбрать — Шантонь и Лотранию или Сулейманию. А может, Вамаяси?...

Ладно, приятные планы оставим на потом. Сейчас надо еще немного поработать.

Не удержавшись от искушения, он еще раз обмакнул кончик пера в чернила и, едва дыша от усердия, помогая себе языком, вычеркнул и вторую строчку в устройтеле. Ведь обеспечить верность — раз плюнуть. Все равно что уже сделано. А как

приятно смотреть и оставлять пометки на белой рисовой бумаге!..

Тщательно промокнув черную линию пресс-папье, он убрал весь роскошный комплект обратно и вернулся в окружающую его действительность.

Верность, верность... Никуда от тебя не денешься...

Обломки мебели послужили пищей костру, разведенному прямо на каменном полу. Из заплечного мешка он достал с десятков полотняных мешочков с порошками и травами, затем небольшой закопченный котелок. Не без труда отыскав в груде павшей посуды все еще целый и вертикальный кувшин с водой, колдун наполнил из него котелок и, дождавшись, пока вода закипит, сел перед ним, скрестив ноги по-сулеймански, и стал по очереди высыпать в нее содержимое мешочков, читая нараспев монотонное заклинание.

Когда фиолетовые опилки, покрытые желтой плесенью, из последнего мешочка оказались в кипятке, из котелка повалил серо-бурый пар, а в нос ударил запах гнили и сырости.

— Готово, — самодовольно ухмыльнулся узурпатор, кряхтя, поднялся на ноги и стал размахивать руками, выгоняя послушные мерзкие испарения в коридор, потом в разбитые окна, ни на секунду не прекращая читать заклятье.

Прошло две минуты, три, пять, десять — а мутные клубы продолжали валить из котелка, который по всем законам физики должен был уже давно выкипеть и расплавиться. Казалось, они заполнили собой весь зал, коридор, комнаты, комнатки и просто чуланы и продолжали выливаться по лестницам в подвалы и во двор, заполняя погреба, конюшни, амбары, кухню, сарай и даже собачьи будки. Через двадцать минут во всем дворце не осталось и клочка чистого, не отравленного зловонием воздуха, и тогда миазмы на мгновение остановились, повисли, а затем развернулись и заструились обратно туда, откуда вышли, сделав свое дело.

С собой они приносили всех обитателей дворца, не посаженных еще под замок и не зачарованных колдуном по прибытию.

Один за другим, бледные, с закрытыми глазами и вытянутыми вперед руками, тыча в спины, наступая на ноги себе подобным и тихо подвывая загробным голосом в ритм своих шагов, в зале пиров стали появляться слуги.

Магический, никак не догоравший костерок на полу нашел свою смерть под ногами ничего не ощущающих и не понимающих людей. Был растоптан и раздавлен никак не ожидавший такого вот конца котелок. Оставшиеся на посту солдаты были притиснуты к стенке и могли сопротивляться

не более, чем черепахи под катком. Чернослов залез на стул, потом на стол, с него — на подоконник, и уже перебирал уме два варианта — перепрыгнуть ему на головы вошедших или сразу выскочить в окно, а горничные, кухарки, конюхи, шорники, кузнецы, плотники, садовники, лудильщики, бондари и прочий рабочий люд дворца все прибывал и прибывал.

Наконец, когда колдуну стало казаться, что он переборщил с дозировкой ингредиентов и теперь в крошечном зале пиров царского дворца пытается собраться вся столица Лукоморья, толпа перестала расти, остановилась и стала меланхолично раскачиваться в такт одним им слышимой музыке.

— Все ли собрались? — подпрыгивая и пытаясь разглядеть, где кончается толпа, выкрикнул Чернослов.

Толпа перестала раскачиваться и насторожилась. Неподвижные лица открыли пустые глаза и повернулись в его сторону.

— Все, — удовлетворенно кивнул он. — А теперь слушайте меня и запоминайте...

* * *

Елена Прекрасная тихонько застонала, пошевелилась, открыла глаза, и первое, что она увидела перед собой — чьи-то огромные круглые

выпуклые очи, неотрывно следящие за ее пробуждением.

— ОЙ!!!

— Тс-с-с-с!!!

В поле ее испуганного зренья появился маленький морщинистый палец и обнаружились бледные губы за ним.

— Тс-с-с-с!!! — повторили губы для вящей убедительности, а громадные глаза два раза моргнули. — Быстрее вставай, время не ждет!

— ВставайТЕ, ты имел в виду, — строго предположила Елена. — Кто бы ты ни был, ты разговариваешь с царицей Лукоморья.

Она быстро села, тут же вызвав вокруг себя книгопад средних размеров, и подозрительно оглядела стоящего рядом с ней человечка.

На то, что это был именно человек, прозрачно намекал его рост — едва ли полметра с беретом. Огромные глаза при ближайшем рассмотрении оказались вполне нормальными голубыми глазами за самыми толстыми стеклами самых большущих из когда-либо ей виденных очков. Светлые спутанные волнистые волосы спускались ему до самых плеч и странно контрастировали с черными завитыми усами и бородкой клинышком.

— Нет, ты ошибаешься, царица, — покачал головой человечек. — Я имел в виду, что ты

должна быстрее встать и следовать за мной без разговоров. Заклинаю тебя — последуй моему совету как можно скорее!

— Следовать куда? — оставила на время уроки придворного этикета царица. — Почему я вообще должна куда-то за тобой следовать? Кто ты? Я сейчас позову Матрену, слуг...

— Позвать ты их, безусловно, сможешь, — сухо кивнул головой человек, — но они не явятся на твой зов. Глас вопиющего в пустыне привлечет больше внимания, чем твой призыв.

— Почему? Что случилось? — видя, как смертельно серьезен незнакомец, Елене стало не по себе.

— Вставай же, царица Елена, и иди за мной, пока не поздно, — угрюмо нахмурившись, человек протянул ей руку.

— Я, между прочим, нахожусь в своем собственном дворце, если не ошибаюсь, и я никуда не собираюсь...

— Увы и ах, но ты ошибаешься, царица Елена. Дворец уже не твой. Его захватил злой колдун, и он убьет тебя, если найдет, или продаст в рабство. Я же хочу помочь тебе — спрятать тебя от этого негодяя и его жестоких солдат, способных на любое зверство. Пойдем скорей же, царица, пока они не обнаружили тебя, — торжественным тоном чтеца-декламатора со стажем проговорил человек

и выжидающе взглянул на Елену.

— Колдун? Солдаты? Захватили дворец? Это... шутка?...

— Никогда не думал, что на самом деле это всё так сложно, — воздев очи горе, пробормотал человек, помолчал, и вслух задал себе вопрос: — А может, это потому, что я не представился?

— Да, хорошая мысль, ты все-таки кто? — опираясь на руины табуретки, Елена, наконец, поднялась.

— Меня зовут Дионисий. И я — библиотечный.

— Библиотечный кто? — непонимающе нахмурилась царица.

— Библиотечный библиотечный. Бывает банный, бывает домовой, бывает овинный. А я — библиотечный.

— Да?!.. — изумилась Елена. — Я никогда не слышала, что бывают...

— Царица, ты должна поторопиться, время утекает, как вода сквозь пальцы! Чу!.. Я слышу шаги в коридоре!.. Это идут наши недруги!

— Шаги?... Недруги?... — заметалась Елена по рассыпавшимся книгам под неодобрительным взглядом библиотечного. — Ты это серьезно? Так это правда? О, Боже!.. Что мне делать!.. Где ты хотел укрыть меня, Дионисий?

— В своем скромном обиталище, приюте

спокойствия и тишины, далеко от суеты и злобы окружающего мира, — усилием воли Дионисий заставил себя не смотреть на попираемые царицыными туфельками книги и театральным жестом указал на самый большой и старый книжный шкаф, прямо перед ними.

— В ШКАФУ???!!!

— Держи мою руку, царица.

Елена, изрядная часть мозга которой молчаливо удивлялась тому, какой чудной сон ей снится, удивив Дионисия, без дальнейших пререканий, крепко взялась за его сухонькую ручку. Тот поспешно открыл дверку шкафа, сделал решительный шаг вперед, невзирая на плотные ряды золоченых корешков перед собой и с неожиданной для такого маленького существа силой потянул за собой Елену.

Не успев ни охнуть, ни ойкнуть, она оказалась в миниатюрной прихожей, которую — она могла поклясться — ни одному столяру в жизни не пришло бы в голову устраивать в шкафу — с вешалками для шляп, верхней одежды и подставками для обуви и слегка мутноватым зеркалом в чугунной витой раме. Стены, мебель и даже шторы на невидимых окнах и коврики на полу были устроены из брошюр, книг, томов и фолиантов самого разного размера.

Или раскрашены под самые различные виды

печатной продукции, присмотревшись, подумала Елена.

— Вытирай ноги, — предупредил чистоплотный библиотечный и подал личный пример, быстро пошоркав крошечными сапожками по веселенькой разноцветной дерюжке, полустертые буквы на которой складывались в слова, предлагающие то ли что-то купить, то ли куда-то сходить. — Прошу быть дорогой гостьей в моем холостяцком жилище. Это — гостиная. Направо — моя комната. Налево — ваши покои. Здесь ты в безопасности, прекрасная Елена, и я — к твоим услугам.

* * *

Солдаты вывели троих, предназначенных для особой участи, людей во двор, остановились и закрутили головами по сторонам.

Башня была справа, у самых ворот. Высокая, каменная, с бойницами и решетками, как специально построенная для такой оказии. Но слева, и тоже и ворот, была еще одна. Такая же каменная, и ничуть не ниже. А чуть впереди — еще. И еще. И еще за ней целых две. А почти не видная из-за сумерек левее от них возвышалась еще одна — по высоте, поди, тем фору даст, хоть и деревянная. Или не даст?... А за ней — снова

башня, но из чего построена и какой высоты — уже не различить...

Ишь, какой умный, как у него все легко и просто: «заточить их в самую высокую башню!»! А они что, должны с линейкой по ним теперь лазить? Какая из них — самая высокая? Эта? Эта? Или та? Или тут у них еще есть, в темноте скрывшиеся, еще повыше? А ведь поди-ка, не выполни приказ — первым сам лично шкуру спустит! Что тут бедному солдату делать?

И тут капралу — самому сообразительному из всего отряда — пришла в голову здравая мысль.

— Эй ты, царь, — ткнул он древком пики старика в спину. — Какая тут у вас башня выше всех?

— Башня-то? — переспросил Симеон, выгадывая время.

— Да, башня, что же еще, тупая твоя башка!

— Башня... вон та самая высокая. Деревянная.

— Деревянная? Хм-м... А не врешь?

— Не веришь — измерь, — презрительно пресек все сомнения царь.

Капрал фыркнул себе под нос: «Еще один умник нашелся...» А вслух продолжил допрос:

— А в самой верхней комнате у вас что раньше было?

— Почему — «было»? — не понял царь.

— Потому что теперь будет тюрьма, —

заржал капрал.

— Склад там, — сурово сообщила Ефросинья.

— Чего склад?

— Мягкой рухляди.

— А-а, рухляди... Тогда вам там самое и место!

Царица благоразумно не стала вдаваться в экскурс по страноведению и разъяснять, что под мягкой рухлядью в Лукоморье подразумевают меха, и лишь гордо фыркнула.

— А решетки там на окнах есть?

— Решеток нет.

— Ну, дикари... — покрутил у виска грязным пальцем капрал. — Какой же это склад без решеток! Не удивляюсь, что у вас там одна рухлядь осталась!.. Какой высоты, говоришь, ваша эта башня?

— Тридцать метров, — холодно процедил царь.

— Хм-м... Тридцать метров... Тридцать метров — это хорошо... С тридцати метров и без решеток не убежишь... Ладно, кончай болтать, пошли на склад!

* * *

Вечером перед закатом, как всегда, народ собрался на дворцовой площади перед помостом,

чтобы послушать известия и прогноз погоды на день грядущий. Но вместо глашатая со свитком и его ассистента со стаканом прозрачной жидкости, не исключено, что воды, на деревянный скрипучий настил вышел в полном составе государственный академический оркестр — все сто тридцать восемь ложкарей, рожечников, балалаечников, трещоточников, гармонистов и заслуженный гуслир-виртуоз, да еще девки-плясуньи в черных и белых сарафанах со своим хахалем в красной поддевке, по-иноземному солистом.

Музыканты степенно расселись по принесенным ими же многоэтажным скамьям чуть сзади и долго и тщательно настраивали инструменты.

После того как стих последний перестук, перезвон и перегуд, плясуны вышли вперед и седовласый слепой гуслир гулким басом объявил со своей банкетки:

— Музыка народная. Слов нет. Хоровод «Лебединое озеро».

* * *

В домике хозяина библиотеки было тепло, но Елена зябко куталась в толстый зеленый плед и пила нервными глотками обжигающий чай с мятой. Ее била — не сильно, но методично — нервная

дрожь.

— Так что происходит во дворце, Дионисий? — начала она допрос библиотечного, только что вернувшегося из разведки.

— Все в порядке, царица, как никогда. Все идет хорошо и гладко, чинно и благопристойно, нет ни малейшего повода для беспокойства, — скосив глаза на дно своей чашки, неумело попытался соврать библиотечный. — Ничего особенного. Не думай про это. Самое главное, что тебе нельзя сейчас волноваться.

— Если я не буду знать, что там происходит, я буду волноваться еще больше, а потом пойду и разузнаю все сама, — строго пригрозила Елена, зная, что у нее ни за что в жизни не хватит духу выйти за пределы безопасного шкафа Дионисия, пока колдун находится в пределах территории Лукоморья.

Но Дионисий этого не знал.

Он потупился, поерзал на своей табуретке, как будто на нее кто-то подложил коврик не из лоскутков, а из ёжиков, вздохнул глубоко и признался:

— На самом деле дела наши плохи, царица. Плохи, как никогда. Может, конечно, бывает и хуже, но прямо сейчас я не могу придумать, каким образом. Чернослов со своими солдатами захватил дворец и весь город...

— Но как такая большая армия могла незаметно пройти через все Лукоморье и войти в столицу?!.. — вскинула в отчаянии ладони к небу царица.

— Армия у него была небольшая, — нахмурился Дионисий. — Даже, я бы сказал, маленькая. Или, точнее, у него вообще не было армии. Всего отряд в сто человек.

— Ты хочешь сказать, что отважные воины Лукоморья разбежались перед этой мерзкой крошечной сотней как мыши при виде кота?! — возмутилась Елена.

— Нет, что ты, царица, я вовсе не это хотел сказать! — протестующе вскинул ладошки Дионисий. — Как ты вообще могла подумать что-то такое о войске нашей великой, могучей страны! Сверхдержавы, мне даже приходит на ум слово...

— Извини... — с некоторым облегчением слабо улыбнулась Елена, но испуг не покинул ее глаз ни на мгновение. — Я совсем не это имела виду...

— Я просто хотел сказать тебе, что это отродье геенны огненной накинуло свои отвратительные чары на всю прислугу и всех дружинников. Наверное, именно поэтому никто не оказал ему ни малейшего сопротивления, как подобало бы воинам славного Лукоморья. И теперь они ходят кругом с пустыми мертвыми глазами, как

заводные куклы, и все делают только по приказу его самого или его солдат. Они запугали весь город. Солдаты в черном наводят ужас даже на заколдованных людей, я уже не говорю о пока свободных от его злых чар. Зачарованные дружинники под командованием его вояк забрали всех молодых мужчин Лукоморска на работы в рудники...

— Но рядом с Лукоморском нет рудников! Насколько я понимаю, рудники должны быть в горах, а ближайшие холмы, называемые местными почему-то Кудыкиными горами, где помидорные плантации, находятся в тринадцати километрах отсюда!

— Нет, это захватчики называют сие место рудниками. Но подневольные работники копают чуть ли не у ворот города. И я бы, скорее, поименовал этот вид земляных работ «карьером».

— Карьером? — недоуменно нахмурившись, переспросила Елена. — И что они у ворот Лукоморска могут добывать?

— Думаю, в данной ситуации вопрос не в добыче чего-либо, а в том, чтобы согнать в одно место и посадить под охрану всех, кто мог бы оказать сопротивление. И заодно запугать остальных. И они этого достигли, истинный свет, они этого добились!.. В городе бичи и топоры орудуют во всю: не нужно быть преступником или

бунтовщиком — достаточно просто не понравиться одному из Черной Сотни, как его солдаты называют себя. Или тем подлецам и предателям из лукоморцев, кто к ним присоединился. Палачи настолько заняты, что им приходится брать работу на дом!

— О, боги!.. Не может быть... Не может быть... Этого просто не может быть... А царь с царицей? Ты про них ничего не сказал! Что с ними? Они спаслись? — встрепенулась с надеждой Елена.

— О, нет... Приготовься к худым вестям, Елена Прекрасная.

— Еще более... худым?... — обреченно переспросила она.

Дионисий честно задумался над вопросом и, в конце концов, вынужден был признать:

— Пока нет. Но, боюсь, это вопрос самого ближайшего времени, которое даже не бежит — летит испуганной ланью.

— Хорошо, я готова, — кивнула она. — Рассказывай.

— Царя Симеона, царицу Ефросинью и еще одну юную боярышню — не сумел разузнать ее имени — заточили в самую высокую башню дворца. А остальных бояр со детьми их и с женами — тех, кто присутствовал вчера вечером на той злополучной трапезе — бросили в подземелье.

— Как?!.. За что?!.. Зачем?!.. — отчаянно

всплеснула руками Елена.

— Да, царица... В самое глубокое и мокрое подземелье, которое только смогли найти... И предчувствия у меня самые ужасные. Видишь, я не зря не хотел тебе рассказывать печальные новости дня, — подавленно развел он руками. — Остается одна надежда — что вернется твой муж или его брат с дружиной, а лучше будет, если воротятся оба, и скорее, и дадут бой этому исчадию зла.

— Но они ничего не знают! У них война! Они вернутся не скоро! А к тому времени, когда они все же возвратятся, Чернослов сможет заколдовать себе в подчинение уже всё Лукоморье и пойдет дальше! Их надо предупредить!.. Поторопить!..

— Да, это золотая идея, царица, нет ни малейшего сомнения! Но как это сделать?

Взгляд Елены быстро остановился на хозяине библиотеки.

— Нет, только не я! Я не могу! Я не могу покинуть пределы моих владений! Я всего лишь маленький слабый библиотечный!.. Я связан со своей библиотекой, как банный со своей баней! Как рыба со своей рекой! Как собака со своей будкой!.. Библиотечный физически не может существовать без своей библиотеки, без своих книг!..

— Но что тогда делать, Дионисий? Что?!.. — Елена уронила голову на руки и замерла.

— Ждать... Надеяться... Верить...

— Сидя здесь, в четырех стенах? — вскинулась она. — Чего ждать, Дионисий? На что надеяться? Верить — во что?! Что вот-вот распахнется дверь и войдет отважный воин в сияющих доспехах и с волшебным мечом, который победит колдуна, разгонит его Черную Сотню и освободит нас всех?!

— Н-н-д-да. Именно так...

Библиотечный не успел договорить, потому что дверь распахнулась.

Но не их уютного убежища — а дверь библиотеки. Но так как одна стена жилища Дионисия была с его стороны прозрачной, чтобы он мог в любое время, не покидая своей квартирки, видеть, слышать и обонять,⁴ что делается в его вотчине, то внезапно ожившая и шарахнувшаяся от входящего дверь заставила хозяина прикусить язык, а и без того нервную и расстроенную Елену — подскочить на своем стульчике и пролить чай на стол.

Из коридора потянул сквозняк, тревожно отдающий дымком и легким ароматом анисовой настойки. А вслед за запахами, тяжело и неспешно

⁴ В эпоху факелов, свечей и лучин — не последняя забота любого хозяина библиотеки, не желающего остаться без своего хозяйства.

ступая, в библиотеку вошел истопник Граненыч. Его неподвижные глаза глядели прямо перед собой. На плече висела щетка на цепочке для прочистки вьюшек, в руках безвольно болталась большая тяжелая сумка — наверное, с какими-нибудь инструментами.

— Что ему здесь надо? — тревожно прошептала царица.

— Не знаю, — обеспокоенный Дионисий соскочил с табуреточки, на цыпочках подошел к самой двери и остановился на дерюжке в прихожей. — Может, ему приказали тут что-нибудь сделать? Взять? Почистить? Печи ведь здесь нет!..

Скованными деревянными движениями, в несколько приемов, Митроха развернулся к двери и медленно прикрыл ее. Он осторожно и постепенно, как плохо смазанный механизм, повернул голову направо, налево, убедился, что кроме него здесь никого нет, и...

На первый взгляд, ничего не изменилось, но незаметно произошло чудо.

Глаза его из мертвых превратились в осоловелые, а неестественные движения дерева, которое учат ходить, стали разболтанными, раскоординированными движениями человека, который выпил на одну рюмку анисовой настойки больше, чем следовало.

Или чарку.

А может, бокал.

Хотя, не исключено, что и стакан.

Не удерживаясь более от естественного в его положении пошатывания, Граненыч шумно вздохнул, как будто только что избегнул страшной опасности и торопливо, зигзагами, как водный мотоцикл под обстрелом, направился к дальним стеллажам.

Елену от его вздоха замутило.

— Что с тобой, царица? — быстро обернулся Дионисий. — Тебе нехорошо?

— Ф-фу... — попятилась та в направлении своей комнатки, размахивая ладонью под сморщившимся произвольно носом. — Напился-то!.. Напился!.. Вот, правду говорят — горбатого могила исправит! Сейчас, при новом-то хозяине, что угодно, видно, можно делать. Никто слова не скажет на его пьянство на рабочем месте. Какая досада, что я не успела приказать его рассчитать вчера!.. Меня сейчас стошнит!..

И тонкая фанерная дверь поспешно захлопнулась за Еленой.

— Царица, царица, тебе чего-нибудь нужно? — заботливо кинулся вслед за ней Дионисий, но услышал из-за двери лишь нечто невнятное, похожее на «помойное ведро».

Но, наверное, ему просто послышалось.

Когда библиотечный снова вернулся к порогу,

чтобы понаблюдать за вторгнувшимся в его владения незваным гостем, тот уже стоял у входной двери и прятал в сумку книгу. Навалив сверху нее нечто позвякивающее и побрякивающее, он выпрямился, покачнувшись, собрался с духом,⁵ осторожно отворил дверь и высунул голову в коридор.

Каковы бы ни были результаты осмотра местности, они, по-видимому, истопника устроили, потому что он размашисто, со второй попытки, подхватил сумку за обвисшую длинную ручку и с гибким пьяным проворством выскользнул наружу. Дверь за ним тихо закрылась.

Когда Дионисий приоткрыл дверь и осторожно заглянул в комнатку, отведенную им царице, та сидела на низкой кровати, бледная, с измученным видом и страдальческим взглядом, и зажимала рот рукой.

— Всё в порядке, он ушел, — сообщил библиотечный.

— Наконец-то, — с облегчением вздохнув, произнесла Елена. — Что ему тут было надо?

— Он взял книгу.

— Книгу? — забыв про тошноту, нахмурилась

⁵ Дионисий порадовался, что Елена успела укрыться.

царица. — Какую книгу?

— Я могу узнать — я помню их все наперечет. Сейчас я схожу и взгляну...

— Но зачем заколдованному книга? Ему приказали?

— Заколдованному? — не понял библиотечный. — Но он не был похож на заколдованного. На пьяного — да. На заколдованного — нет. Я готов поставить на это все свои владения!

— Но разве ты десять минут назад не говорил мне, что Чернослов заколдовал всех моих слуг? — недоуменно уточнила Елена.

— Всех? — захлопал длинными пушистыми ресницами Дионисий. — Да, говорил... Пока я не увидел его, я был уверен, что всех! Когда я обходил дворец, я не встретил ни одного человека, не считая его солдат, в здравом уме и твердой памяти! Но теперь, когда ты обратила на этот факт мое внимание, Елена, я и сам начал различать в этом некую аномалию. Это как-то странно... Таинственно, я бы даже сказал... Но у меня есть идея. Я могу пройти к Граненычу в его комнатку в пристрое у дровяника и посмотреть, правда ли это, или мне всего лишь померещилось.

— Погоди, — прервала его мысли вслух царица, положив ему на плечо свою смуглую гибкую руку. — Извини, что я тебя прерываю, но,

кажется, я тоже обнаружила кое-что странное и таинственное.

— Что?

— Если я не ошибаюсь, ты десять минут назад говорил, что не можешь покинуть своей библиотеки, что ты привязан к ней, как коза к колышку...

— Как собака к будке, — поправил Дионисий.

— Да, и как собака тоже, — быстро согласилась она. — Но ты же только что мне в мрачайших красках описывал, какие беды принесло нашествие колдуна и его войска Лукоморску! Как ты это все мог знать, если...

— Ах, это... — библиотечный понял и вопрос, и недоверие еще до того, как они сорвались с губ царицы. — Я не вводил тебя в заблуждение — я действительно не могу покинуть стены моей библиотеки. Для меня это весь мир. Дальше — царство домовых, а они народ незатейливый, кондовый, и меня... не то что недолюбливают... Скорее, не понимают. И в своих владениях не приветствуют. Но если из моего царства ушла книга, то я могу последовать за ней, куда угодно. Но не покидая дворца. Всему есть свои пределы. А за долгие годы, как бы это не сердило, не раздражало и не доводило меня неоднократно до нервного срыва — кому здесь есть дело до маленького, незаметного Дионисия! — из

библиотеки было взято и оставлено навеки валяться где попало немало книг.

— Да, я видела их, — слегка недоуменно подтвердила Елена, — но я бы не сказала, что они именно валялись. Они аккуратно стояли на полках и в шкафах, и...

— Если они не у меня, они ВАЛЯЮТСЯ, — не терпящим возражений тоном отрезал библиотечный. — Книга должна находиться там, где ей предназначено находиться природой — в библиотеке. Конечно, я допускаю, что ее иногда забирают, чтобы читать, от этого никуда не деться, но если она не возвращается через две недели... Скорее всего, она не вернется больше никогда. Я вывел этот закон из собственного печального опыта.

— Извини, что снова перебиваю, — с тенью полунамека-полуупрека проговорила царица, — но, кажется, мы говорили о Граненыче. Разве тебя не беспокоит, что ИСТОПНИК взял КНИГУ?

— Кхм... Да... Прости меня, Елена, великодушно — я был неправ как сто левых ботинок... Мне стыдно... я разгорячился... Больная тема, царица Елена, больная тема для каждого библиотечного... Но, возвращаясь к Граненычу, — я не вижу причин для беспокойства. Он, пока никто не видит, постоянно берет книги. И всегда их возвращает через две недели. Поэтому...

— Он берет книги и возвращает?!.. Но зачем тогда он их?!..

Завсегда и библиотеки, безусловно, знали, что истопник Митроха потаскивает книги из обширнейшей царской коллекции сочинений стратегов и тактиков всех времен и народов, которую никто и никогда даже не пролистывал и вряд ли соберется. Но никто и под страхом долгой и мучительной смерти не догадался бы, что он с ними делает.

А он их читал.

Читал долгими зимними вечерами и короткими летними ночами, читал, аккуратно поплеывая на палец и бережно переворачивая страницы, читал, делая пометки на листах пергамента, специально купленного для этого на свое невеликое жалованье, и проговаривая вслух наиболее понравившиеся мысли. Читал, рисуя на пыльной столешнице схемы и планы, перечеркивал их, сдувая пыль с места на место, пока снова не ложилась она идеально ровным слоем, и тогда перерисовывал эти загадочные диаграммы вновь, уже по-другому, по-своему, удовлетворенно кивая и прихлебывая из заветной чекушки...

Неизвестно, как отнеслись бы к этому сами полководцы и флотоводцы — авторы этих трудов, узнай они, что их единственный читатель и

почитатель в Лукоморске зарабатывает на жизнь топкой печей и не просыхает большую часть этой самой жизни, но факт оставался фактом.

Под носом у генералов царя Симеона, а потом и Василия, пропадали величайший гений военного дела современности.

* * *

...Набранная из жителей близлежащей слободы артель землекопов, покачивая головами и прицокивая языками, как будто даже несколько кругов по размеченной территории не могли заставить их поверить собственным глазам, окружила капрала Надыся.

— Такую большую яму? И такой глубины? И за два дня? — изумленно вытаращивая глаза с началом каждой фразы, как бы подчеркивая невероятность того, что только что услышал и теперь должен повторить, проговорил назначенный самовыдвижением артельщик, шорник в свободное от копки ям время, наваливаясь на выданный ему шанцевый инструмент лопату.

— Да, а что? — непонимающе уставился на них капрал.

— Да ты что, боярин, это ж работы на неделю!..

— Если не больше!..

— На две, скорее!..

— Во-во, — потыкал большим пальцем в группу поддержки артельщик. — Слышал, что народ говорит? На три недели! Не меньше!

— Да ты чего, мужик, с ума сошел?! На три недели?! — капрал покрутил пальцем у виска под шлемом для наглядности и полного донесения до адресата своей мысли. — Да его величество приказало за два дня это сделать! На какой такой ляд вас иначе столько сюда понагнали, а?

— На какой? — заинтересованно взглянул на него артельщик.

— Что работали, а не языками мели!!! — рявкнул капрал. — А ну, быстро взяли лопаты в руки и стали копать!!! А то я вас всех!!!..

— Поняли, — пожал плечами артельщик. — Уже взяли. Уже копаем.

Он обернулся на копарей, воткнул лопату в землю и обратился к ним:

— Ну, что, мужики. Боярин говорит — копать надо. А раз боярин говорит — значит, так оно и есть.

— Ну, раз надо...

— Говорит, что надо...

— Дык мы разве ж против, копать-то...

— Это мы всегда готовы...

— А коль готовы, сердешные, то айда, на раз-два-взяли.

— Айда, Данила!..

— Перекур!

Мужики торжественно кивнули, положили лопаты и стали доставать кисеты с самосадом.

— Э-э-эй!!! Вы чего!!! Вы чего это делаете!!! Я вам приказал работать!!! — от удивления и возмущения капрал захлопал по бокам руками, как актер, изображающий курицу, и разве что не подпрыгивал.

— Как — чего, боярин? — с недоумением окинул его взглядом артельщик Данила. — Ты ж сам сказал, что работать надоть. А какая ж это работа, ежели ее с перекура не начать? Скажите, мужики!..

— Никакой, — обреченно покачал мужичонка с рыжей бородой справа от него.

— Удачи не будет, — охотно пояснил длинный жилистый землекоп рядом с ним.

— Не пойдет работа, боярин, хоть ты плачь, — предсказал его сосед, уже с дымящейся самокруткой в прокуренных усах.

— Фольклорный традиций такой, — пожал плечами начитанный Данила. — Что по-лукоморски значит «народный обычай».

— Проверено, — подтвердила вся артель в голос.

— Ну, раз проверено, — с сомнением протянул капрал и обвел своих поднадзорных

настороженным взглядом. — Тогда курите. Только быстро.

— Само знамо, боярин, — оживились артельщики, и со всех сторон защелкали кресала.

Перекур через двадцать минут быстро закончился, и артель, поплевав на мозолистые ладони и побряхтев еще раз насчет огромности предполагаемой ямины, принялась за работу и проработала целых пятнадцать минут.

— Чего встали? — грозно встрепенулся задремавший было под помостом Надысь. — Работать, работать!..

— Ага, работать, боярин! — жалобно проблеял мужичок с рыжей бородой.

— А сам-то ты пробовал тупым инструментом работать, а? — поддержал его мужик в синей рубахе.

Капрал в своей жизни не работал тупым инструментом, равно как и острым, и гордился этим.

— Ну так наточите! — раздраженно фыркнул он.

— Эй, честной народ, слышали — боярин велел инструмент наточить! — громовым фальцетом крикнул синерубашечный.

— Шабашь работу! Айда точила искать! — авторитетно приказал Данила и, подавая личный пример, бросил лопату на землю.

— Айда! — мужики, как чрезвычайно степенные, но целеустремленные тараканы, побросав лопаты, потянулись в разные стороны.

— Эй, эй, эй!!!.. Стойте!!! Вы куда?!..

— Точила искать, — вежливо пояснил ему артельщик. — Лопата ить — струмент тонкий, ее чем попало точить — только портить.

— Ее точить — особые точила нужны, — авторитетно подняв к небу желтый от табака указательный палец, заявил жилистый.

— Или у тебя лопат — целая лавка? — ехидно поинтересовался рыжебородый.

— Н-нет... — растерянно признался Надысь. — А сколько вам времени надо, чтобы нужные точила найти?

— Н-ну... не так много...

— Хорошо.

— ...не больше часа.

— ЧТО???!!!

— Так ить не каждое подойдет, — извиняясь, развел руками Данила. — Тут ить от металла зависит...

— И от зерна...

— И от закалки...

— И от отпуска...

— И от допуска...

— И от посадки...

— И от сортности...

— И от балльности...

У капрала голова пошла кругом.

— Ну, если так...

— Да, боярин. Только так. Что мы, врать, что ли, будем, — обиженно надулся артельщик.

— НУ ТАК ЧЕГО ВЫ ТОГДА СТОИТЕ???!!!

Ищите свои точила БЫСТРО!!! И НЕ ПЕРЕПУТАЙТЕ!!!..

Мужиков как ветром сдуло.

Через два часа, повозив, пока не надоело, кто брусом, кто напильником, а кто наждачной шкуркой по своей лопате, с довольным видом резво принялись они за работу, радостно приговаривая, как славно им работается остро наточенным инструментом. Убаюканный их речитативом, капрал присел под помостом, навалился на опору и закрыл глаза.

Он еще не догадывался, что остро наточенным инструментом мужикам будет славно работаться еще ровно десять минут.

В начале одиннадцатой Данила, с сожалением прищелкнув языком, опустил лопату и позвал Надыся:

— Эй, боярин!

— Чего еще? — обуреваемый тревожными предчувствиями, подскочил капрал, пребольно ударившись спросонья о настил.

Предчувствия его не обманули.

— Грунт твердый пошел, — ткнул артельщик лопатой себе под ноги.

— И что?

— Лопата плохо входит.

— И что? — упорствовал в непонимании капрал.

— Дык... Это... Смазать бы надо...

— Лопату?... Смазать?...

— Обязательно, — озабоченно кивнул Данила.

— Без этого — никак! — поддержала его артель.

— Грунт, понимаешь, твердый...

— Глинистый...

— Каменистый...

— Ой, угробим струмент, боярин!..

— Угробим — как пить дать!..

— Винтом пойдет!

— Выбросишь!..

— Десять минут!!! — прорычал Надысь и яростно зыркнул на шарахнувшихся от него артельщиков.

— Полчаса, не меньше... — виновато пожимая плечами, попросил Данила.

— Пять минут!!!

— Так ить не идет струмент...

— Земля — как камень...

— Сам попробуй, боярин, покопай-ка!

— Так ить опять скоро точить придется...

— Сэкономишь минуту — потеряешь полдня!..

— СМАЗЫВАЙТЕ!!!

Через пятнадцать минут после начала работы смазанными лопатами мужики ушли на обед.

После обеда — на перекур, чтоб лопаты прогрелись.

Через двадцать минут после перекура — шлифовать черенки.

Через десять минут после шлифовки черенков — шкурить плечики лопат, чтоб ноги не соскальзывали от смазки.

После ошкуривания — снова на перекур, чтоб почва осела.

Через двадцать три с половиной минуты после перекура — менять расшатавшиеся гвозди.

Через пять минут...

Несчастному, запутанному капралу начало казаться, что ничего в мире более сложного, чем выкопать лопатой яму, нет, не было и вряд ли когда-нибудь еще будет придумано.

Через пять минут, без предупреждения, мягко ступая синими с серебряным шитьем яловыми сапожками по раскучуроченной брусчатке, к нему подошел Чернослов.

— Это что? — раздалось над головой Надыся знакомое злобное шипение, чуть не отправившее

его без пересадки из сна простого в сон вечный. — Что это, по-твоему, я спрашиваю?

— Так точно! Никак нет! Не могу знать! — оттарабанил капрал, вскакивая и раздирая на ходу измученные очи.

— Не могу знать? — сладким ядом сочился ему в уши шепот колдуна. — Не могу знать? А чем ты тогда тут занимаешься, а?

— Работы идут полным ходом!

— И это ты называешь «полным ходом»?!.. — шепот сорвался на визг. — Это ты называешь — «идут»?!..

— Так точно! Никак нет! Не могу...

— Идиот!!!.. Кретин!!!.. Дебил!!!..

Град ударов обрушился на застывшего по стойке «смирно» Надыся.

Мужики, привлеченные нежданным развлечением, прекратили работу и как бы невзначай всей артелью подтянулись к месту разбора полетов.

— Да ты у меня сам сейчас лопату в руки возьмешь, мерзавец! Пошел прочь! Ты разжалован!!!..

— Это вы, боярин, зря так, — степенно выступил вперед Данила. — Он за нами хорошо присматривал, всё работать заставлял, ни спуска не давал, ни роздыху.

— Эт верно, — подтвердил белобрысый

парень. — Чистый зверь, ваш солдатик.

— Ох, суро-ов, — закивали мужики.

— Работать?! — Чернослов снова перешел на шипение, как испаряющий последнюю эмаль чайник. — Это вы называете — «работать»?!..

— Так ить тяжелые работы-то, боярин, — развел руками мужик в синей рубахе.

— А еще крепеж надо будет делать!

— Тоже ить не три минуты!

— И материал нонче дорогущий!

— За такую непосильную работы прибавить бы надо, хозяин, — с прозрачным, как слеза артельщика, намеком пошуршал пальцами о палец Данила.

— Ах, вот оно что?... — глаза колдуна склеились в две едва различимые щелочки. — Так выслушайте теперь меня. К лешему крепеж! Или к завтрашнему дню здесь будет яма, какую мне надо, или ваши могилы! ПОНЯТНО????!!!

Землекопы шарахнулись, но не отступили.

— Так ить, ежели как попало копать, без крепежа, стенки потом осыпаться могут! — протянул к Чернослову руку Данила в попытке образумить недалекого заказчика.

— Осыпаться?... — по бескровному перекошенному злобой лицу колдуна скользнула змеей улыбка, и он едва слышно пробормотал себе под нос: — Хм... Осыпаться... А что... Это даже

забавно...

И снова повысил голос:

— Не вашего ума дело! Вы меня слышали?

— Слышали, боярин, — склонились мужики.

— Вы меня поняли? — угрожающе склонил он голову набок.

— Поняли, боярин...

— Приступайте, — удовлетворенно кивнул он. — Надьсь, будешь ворон считать — шкуру спущу!

— Так точно!.. Никак нет! Не могу...

— Дурак... — презрительно скривился колдун, повернулся и быстро зашагал прочь.

Капрал, проводив взглядом спину удаляющегося начальства, обернулся на мужиков и оглядел их с озадачившей даже его самого смесью ненависти, удивления и благодарности.

— Ну, чего вылупились! — замахнулся он на них пикой. — Работайте, работайте! Слышали, что сказало его величество? Вам что, жить надоело? Так это он мигом!..

— Ну, если вы вопрос ставите таким образом... — развели руками мужики. — Тогда, пожалуй, можно и начать работать.

К вечеру была вырыта яма десять на десять метров и глубиной семь.

Капрал заглянул в нее, посветив себе факелом, и удовлетворенно кивнул головой:

— На сегодня хватит. Вылазьте.

— Сейчас, сейчас, боярин, — отозвался Данила. — Только земельку притопчем...

— ...чтоб не слежалась...

— Ну, давайте...

Голова капрала скрылась из виду.

Артельщики переглянулись, не сговариваясь, положили лопаты и быстро присыпали их сверху толстым слоем рыхлой земли.

«Ночью вернемся и заберем, чего добру пропадать», — была одна, ровно пришедшая под гипнозом мысль, — «А завтра хоть трава не расти. Шибко надо им будет — еще выдадут».

— Ну, мужички, пошабашили — и по домам, — степенно и громко, чтобы было слышно наверху, объявил артельщик.

— И то дело...

И народ с чувством выполненного долга потянулся к лестницам, а капрал — докладывать Чернослову лично, как тот и велел.

Выслушав доклад, колдун отпустил Надыся, не сказав ни слова, и сразу после этого кликнул Ништяка.

— Яма практически готова, — странно улыбаясь, сообщил он лейтенанту. — Переводите пленных.

— Разрешить им закончить ужин или...

— Пусть поужинают, — отстраненно

улыбаясь, разрешил колдун. — В последний раз.

— Мы что, их в этой яме?... — Ништяк живописно захрипел и чиркнул себя большим пальцем по горлу.

— Нет... Да... Не сразу... — похлопал его по руке Чернослов. — Пока просто перестаньте кормить. Посетителям тоже не разрешайте. Вокруг выставьте охрану.

— Чтоб не сбежали? — уточнил лейтенант.

— Чтоб никто не провалился, — фыркнул маг.

Лейтенант откозырял и ушел, а Чернослов достал свой устроитель, снова любовался благородным блеском и оригинальной фактурой крокодильей кожи обложки, золотом пера и тонкой работой чернильницы, и бережно вычеркнул еще один пункт плана: «3 октября. 17:45. Начало ужасного и показательного конца местной элиты (кроме царской семьи, оставить на попозже)».

Естественно, глубокие мрачные подземелья были проверены временем и надежны, как бабкина печь, но где в этом артистизм, где полет фантазии, где урок мирному населению? Какое от них удовольствие, наконец? Конечно, Костей с ним бы не согласился и, попадись он его недоброму величеству в споре под горячую руку, то сам бы рисковал закончить свои дни в каком-нибудь глубоком и мрачном подземелье, но здесь и сейчас Костя не было. Он сам был царем, хоть и на

несколько дней, и в кои-то веки мог делать что хотел и как хотел. В конце концов, что толку от власти, если ты не можешь поступать так, как вдруг захочется твоей левой пятке?

К тому же погребение заживо — это так забавно...

Не успели узники подчистить последним куском хлеба из деревянных тарелок мутно-серую баланду — то ли от ужина недельной давности осталась, то ли поросята не доели — как отряд своих же родных лукоморских дружинников, но с неподвижными, отстраненными лицами и пустыми глазами, аж мурашки по коже — под командованием пришедшего офицера в чужих доспехах пришли за ними и приказали собираться в путь.

Путь их, впрочем, оказался недолгим и закончился, не успев толком начаться, на краю глубокой черной свежерытой ямы, с огромной горой рыхлой земли с одной стороны и шаткими лестницами до самого дна — с другой.

По приказу офицера дружинники окружили пленников, деревянно подняли пики и стали медленно надвигаться на испуганных людей. Выбор был очевиден: или спуститься в яму по лестнице самим, или быть туда сброшенным.

Через пять минут по такой же отрывистой

односложной команде дружинники ухватились за рога лестниц, быстро вытянули их наверх и зашвырнули на отвал.

— А мы?... — закричал кто-то снизу. — А как же мы? А нам-то что тут делать?...

— Вы-то? — заржал лейтенант Ништяк. — Вы тут жить теперь будете.

— Зачем?!

— Его величество царь Чернослов Ужасный сказал, что для примера. Что народец местный будет сюда приходить и на вас смотреть, как на зверей.

— Ларишка, Ларишка, што он говорит, ашь?...

— Зверинец, говорит, сюда приедет!..

— А мы тут шидим...

— Наглецы!..

— Сами звери!..

— Вы за это ответите!..

— Да как вы смеете, мужланы!..

— Вопите, вопите, — раздраженно плюнул в яму лейтенант. — Недолго вам вопить осталось, помяните мое слово.

— Вам это так просто с рук не сойдет!..

— Выпустите нас!!!..

— Мы требуем условий!..

— Условия тут царь Чернослов ставит.

— Условий проживания!!!!..

Однако ответом их никто не удостоил. Отдав короткий приказ пятерым караульным никого не впускать, никого не выпускать, довольный собой лейтенант уже ушел отдыхать и забрал остальных дружинников с собой. Стих вдалеке топот сапог по уцелевшей брусчатке и воцарилась нервная ломкая тишина.

— Ну, что, бояре и боярыни... Вот и всё... — проговорил наконец кто-то замогильным голосом. — Пришла наша смертушка, и даже могилку-то рыть не придется, земелькой сверху присыплють — и всё тебе тут...

— Тьфу, типун тебе на язык, боярин Порфирий!

— А ты чего думала, боярыня Варвара, что тебя сюда для острастки посадили, чтобы ты вдругорядь сплетни по городу не разносила?

— Это кто сплетни разносит, глаза твои бесстыжие? Да ты на женушку свою разлюбезную погляди! Это не их ли с боярыней Серапеей за глаза сороками называют? А за какие бы это такие добродетели-то, а? Да я по сравнению с ними...

— Да ты на мою жену шибко-то не наговаривай!..

— Ты на себя погляди, боярыня Варвара, чего ты на нас-то...

— Это я-то на себя глядеть должна...

— Любопытной Варваре...

— Ларишка, Ларишка, што они говорят, ашь?...

— Боярыне Варваре, говорят, нос оторвали!

— Это Антипкиной-то Варваре оторвали?!

— Нет, боярина Абросима жене!

— Ашь?... Какого боярина жена брошила?...

— Не бросила! А Абросима!!!

— Што ты орешь, глухая я, што ли? Ты шама определишь, што говоришь — то брошила, то не брошила, а потом ори на бабушку-то!

— Да что ли я на вас, бабушка, ору — я же ору оттого, что вы глухая, как пень, аж перед людьми неудобно!

— Я не глухая, Ларишка! Я прошто плохо слышу!

— Зато болтаешь хорошо, матушка!

— А вы, боярин Никодим, на мою бабушку-то не кричите, на свою кричите!

— А ты, девка, мала еще мне указывать!..

— Зато наш род от самого Синеуса идет!

— А наш — от Трувора!

— Да кто такой ваш Трувор — конюхом у Синеуса служил, кобылам хвосты крутил!

— Ах, так!.. Ах, так!.. А ваш Синеус вообще...

— Да тихо вы!!! Завелись, языки без костей, мелют что попало, закрути тебя в полено! Аж в ушах звенит! Тут и без вашей ругани тошно! Спать лучше ложитесь все, а утро вечера мудренее.